

О. В. Зуга

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2675-4818

 E-mail: ozuga@rambler.ru.

Особенности реализации речевого акта *отказа* в конфликтном тексте

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию речевого акта отказа в юрислингвистическом аспекте. Материалом для анализа послужил диалог водителя с инспектором дорожно-патрульной службы. В протоколе задержания инспектор ДПС зафиксировал отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Однако позднее нарушитель правил дорожного движения сообщил сотрудникам полиции, что не отказывался от прохождения медицинского освидетельствования. В ходе лингвистического исследования диалога были выявлены эксплицитные и имплицитные формы речевого акта отказа от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Актуальным в рамках юрислингвистического исследования оказывается анализ имплицитных форм выражения отказа в конфликтном дискурсе. Имплицитное содержание отказа обнаруживается лишь в непосредственном речевом общении, поскольку в семантике изолированного высказывания его обнаружить невозможно.

Индикатором коммуникативных намерений собеседников являются реализуемые ими речевые стратегии и тактики. В результате исследования диалога между водителем и инспектором ДПС были выявлены следующие тактики, актуализирующие имплицитный речевой акт отказа: вопросительные высказывания, уклонение от ответа (неопределенный ответ), отказ-псевдосогласие, заверение, переадресация. Выявленные способы выражения имплицитного отказа позволяют говорящему уйти от прямого ответа, скрыть, завуалировать отказ с целью ухода от ответственности; снять с себя ответственность за произнесенное, поскольку слушающий сам делает заключение об истинном коммуникативном намерении говорящего.

Результаты исследования могут быть полезны студентам-филологам при изучении дисциплин, направленных на формирование умений и навыков проведения лингвистической экспертизы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; отказы; имплицитные формы выражения; конфликтные тексты; лингвистические экспертизы; дорожно-патрульная служба.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зуга Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: ozuga@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зуга, О. В. Особенности реализации речевого акта *отказа* в конфликтном тексте / О. В. Зуга // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 182-188. — DOI 10.26170/pl19-06-23.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (проведена 29—30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета).

Исследованию речевого акта отказа посвящены работы ряда современных лингвистов: семантико-прагматический и когнитивный анализ высказываний-отказов представлен в диссертации О. В. Бычихиной; Т. В. Нестеровой описаны манипулятивные реализации интенции отказа, направленные на сохранение кооперации в общении; С. О. Симоновой рассмотрены коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе; на материале современных драматических произведений Я. В. Боргер проведен комплексный анализ речевых актов негативной реакции, в частности отказа; принципы идентификации речевых актов негативной реакции представлены в статьях Н. Б. Ершовой и др.

Отказ наряду с запретом и несогласием относится к речевым актам негативной реакции, то есть тем, которые воспринимаются как речевое действие, выражающее отрицательное отношение к высказыванию собеседника, представляющее собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеющее в речи определенное воплощение [Ершова 2011: 297]. Аналогично отказ описан и в работах других исследователей:

отказ — речевой жанр, при котором в ответ на реплику-стимул (выраженную вербально или невербально, прямо или косвенно), содержащую волеизъявление, говорящий субъект отвечает отрицанием, причем делает это вербально (прямо или косвенно), привлекая по возможности для выражения речевого акта арсенал невербальных спосо-

бов (жесты, мимику, интонацию и др.) [Бычихина 2004: 9];

отказ — 1) речевое действие, которое содержит негативную реакцию (несогласие, отрицание) на просьбу, требование, приказ, флирт, предложение (в том числе предложение «руки и сердца»), совет (непрощеный); 2) речевое действие, при котором говорящий субъект заявляет о своем отказе от услуг других лиц, от самих лиц, а также от каких-либо замыслов, намерений; от дальнейшего совершения действий, поступков; от каких-либо предметов; от своих слов, ранее рассматривавшихся им как приемлемые, а в настоящий момент — нет [Нестерова 2010: 59];

отказ — 1) отрицательный ответ на просьбу/требование; 2) отсутствие согласия на что-либо, выражение несогласия, отклонение от себя чего-либо, отречение от чего-либо [Потапова, Комалова 2017: 22].

Согласно [Боргер 2004: 76], универсальная модель речевого акта *отказа* выглядит следующим образом:

(1) В просит или требует, чтобы А совершил или прекратил Р.

(2) А не имеет возможности или желания совершать или прекращать Р.

(3) А говорит В, что не будет делать Р,

где А — говорящий (автор негативной реплики-реакции), В — собеседник, Р — определенное действие (цифрами обозначены шаги-действия коммуникантов, происходящие в указанной очередности).

Речевой акт отказа реализуется в прагматических парах: *приказ* — *отказ*; *просьба* — *отказ*; *предложение* — *отказ*; *совет* — *отказ*. Реплика-стимул может быть повествовательной, побудительной и вопросительной. Частотны вопросительные стимулы, так как косвенный способ выражения просьбы является менее категоричным [Боргер 2004: 38].

Наиболее распространенными грамматическими и лексическими средствами выражения эксплицитного отрицания являются отрицательные частицы *не* и *ни*, лексемы с отрицательными префиксами *не-*, *без-* (*бес-*), *анти-*, отрицательные глаголы, отрицательные местоимения, отрицательные наречия и коммуникативы *нет* и *нельзя*. Конструкции с модальным глаголом *мочь* выражают отказ, связанный с невозможностью совершения действия говорящим. Еще один тип конструкций отказа включает в себя модальный глагол *хотеть* (см. об этом, например, в [Боргер 2004: 40—41, 83, 85, 86; Симонова 2011: 19, 70]).

В рамках проведения лингвистической экспертизы актуальным оказывается вопрос о наличии в спорном тексте имплицитных

форм речевого акта отказа, «содержание которых выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [Стернин 2001: 10]. Имплицитное выражение отрицания во многих случаях не имеет формальных средств выражения в синтаксической структуре предложения, то есть план содержания не совпадает с планом выражения.

Целью данной работы является анализ способов реализации речевого акта отказа в конфликтном тексте. Объектом исследования послужил диалог водителя с инспектором дорожно-патрульной службы.

Согласно материалам дела, М2 однажды уже был признан виновным в совершении правонарушения, связанного с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Ему было назначено наказание в виде одного года условного осуждения с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на три года. Не имея права управлять транспортным средством, М2 управлял автомобилем, был задержан сотрудниками полиции с признаками алкогольного опьянения (запах изо рта). Сотрудники ДПС доставили нарушителя в отделение полиции. В протоколе задержания инспектор ДПС зафиксировал отказ М2 от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Однако позднее М2 сообщил сотрудникам полиции, что не отказывался от указанной процедуры.

Лингвистический анализ спорного диалога, на наш взгляд, позволил ответить на вопрос сотрудников полиции о том, содержит ли диалог М2 и М1, зафиксированный на видеофайле, отказ М2 от прохождения освидетельствования для установления факта алкогольного опьянения.

Коммуникативная ситуация, представленная в анализируемом диалоге, характеризуется следующим образом. Участниками общения являются коммуниканты М1 и М2. Позиции партнеров по общению обусловлены сферой официально-деловой коммуникации, которая, в отличие от частного общения, ограничена строгими правилами взаимного поведения. Согласно копии протокола осмотра предметов (документов) и фоноскопическому исследованию, М1 — инспектор ДПС (М1 — Пятнадцатое декабря две тысячи восемнадцатого года. Запись производит инспектор ДПС лейтенант полиции...). Вторым участником коммуникации (М2) является водитель остановленного автомобиля. Диалог коммуникантов отражает коммуника-

тивное событие устного контактного (при дистантном собеседники разделены временем и расстоянием) непосредственного (при опосредованном передача информации происходит по радио, телевидению, телефону и т. д.) общения, в котором М1 и М2 вербально путем смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего с помощью определенных стратегий и тактик стремятся к достижению желаемых результатов.

Анализируемый спорный текст нельзя назвать диалогом «согласия» (кооперативным общением), предназначенным для выражения реакции адресата на предложенное сотрудничество с определенной положительной оценкой, которая может распространяться как на сам факт предложения о сотрудничестве, так и на тематическое содержание акта взаимодействия. Разговор М1 и М2 — диалог «несогласия» (конфликтный): оценки текущей ситуации находятся в противоречии, поэтому он строится в тональности разногласия, конфликта, к чему приводит эксплицитно выраженный прямой отказ М2 от вступления в акт коммуникации (*Я не хочу с Вами разговаривать. На каком основании я должен с Вами разговаривать?; Я не хочу с вами вообще разговаривать; Я не знаю*). Конфликтная ситуация — столкновение двух сторон в связи с несоответствием целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон (М2) действует в ущерб другой (М1), а вторая сторона (М1) предпринимает ответные действия (вновь и вновь следует предложение пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения).

Ярким индикатором коммуникативных намерений собеседников являются реализуемые ими речевые стратегии и тактики. Основываясь на результатах проведенного лингвистического анализа диалога М1 и М2, можно говорить об активном применении коммуникантом М2 нескольких речевых тактик.

В качестве основной тактики М2 использует **вопросительные высказывания** (здесь и далее при цитировании установленного текста спорной фонограммы сохранены условные обозначения (атрибуция реплик участников разговоров, орфография, пунктуация и проч.), принятые в фоноскопическом исследовании. Курсивом выделены концептуально значимые слова и словосочетания, на которых акцентируется внимание при анализе. Имена собственные изменены):

М1 — Я говорю, пройти освидетельствование согласны на состояние алкогольного опьянения через наш прибор.

М2 — *Сейчас, подождите маленько. За что? Я Вам что-то нарушил или что?*

М1 — От Вас исходит запах алкоголя.

М2 — *Нет, я вам что-то нарушил что ли?*

М1 — От Вас исходит запах алкоголя.

М2 — *Вы что-то мне можете предьявить?*

М1 — Да, Вы управляли автомобилем.

М2 — *Каким автомобилем?*

М1 — ВАЗ двадцать один ноль девяносто девять...

М1 — Согласны? Или отказываетесь?

М2 — На этом и закончим разговоры.

М1 — Согласны или отказываетесь, говорю?

М2 — *За что?*

М1 — Что за что?

М2 — Я сижу с человеком вообще разговариваю. С участковым.

М1 — Я вам предложил пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения через наш прибор, Вы,

М2 — *За что?*

М1 — Вы не-, Вы отказались.

М2 — *За что?*

М1 — Пройти медицинское освидетельствование согласны?

М2 — *Я хочу знать, за что?*

М1 — Пройти медицинское освид-

М2 — *За что?*

М1 — За управление автомобилем! (Ч-)

М2 — *Каким автомобилем? Где, за-за каким автомобилем?*

М1 — ВАЗ двадцать один, ноль один, девяносто девять. Согласны пройти?

М2 — Я нахожусь вообще в кабинете.

М1 — Согласны пройти? Либо да, либо нет.

М2 — Я хочу Вам сказать,

М1 — Согласны или отказываетесь?

М2 — *отдыхайте. Вот.*

М1 — Значит, это будет расцениваться как факт от-, от-, от-, отказа.

М2 — *Мне по фигу, как будет у тебя расцениваться. ...*

М2 задает вопросы с целью узнать причину, по которой он должен пройти освидетельствование. Повтором вопросительных высказываний он показывает, что «не понимает», о чем говорит его собеседник (М1), тем самым, возможно, хочет выиграть время для обдумывания, размышления.

Самый частотный вопрос М2 «за что?» получает в контексте диалога значение «не за что», «не нужно этого делать», указывает на ненужность, бесцельность просьбы М1 (пройти освидетельствование) в связи с тем, что, по утверждению М2, он не имеет отношения к управлению автомобилем: *Каким автомобилем? Где, за-за каким автомобилем?; Я нахожусь вообще в кабинете; Вы меня поймали за рулем?; Нет, я вам что-то нарушил что ли?* и т. д. Вопросительные

конструкции в данном случае содержат в себе дополнительные прагматические оттенки возражения и возмущения, а в последнем примере еще и пренебрежения, о чем свидетельствует глагол *отдыхать* в форме повелительного наклонения — *отдыхайте*.

Отдыхайте — «в значении междометия. Пренебрежительно. Уходи прочь, прекрати, можешь быть свободным. Обычно издевательским тоном. (≈ Отстань!...) [Химик 2017, т. 2: 41]; «уходи, будь свободен, пошёл вон, ты меня не интересуешь, мне до тебя нет дела [Елистратов 2010: 267].

M2 уклоняется от прямого ответа. Его реплики содержат такой ответ на поставленный вопрос, что собеседник не может точно определить, отказали ему или нет:

M1 — Я говорю, будете проходить или нет? Иван Сергеевич, я с Вами общаюсь.

M2 — Я сейчас Вам еще раз объясняю. *Я что? Меня за рулем поймали или что?*

M1 — Ну Вы так и скажите, либо будете продувать, либо нет наш прибор. Или отказываетесь. Вам задали.

M2 — Если я не за рулем, я сижу вот с-с-,

M1 — Вам задали конкретный вопрос.

M2 — Я вам конкретный вопрос говорю, что я нахожусь здесь с участковым, Вы мне предъявляете какую-то фигню.

Как видим, отказ не формулируется, а только выводится слушателем из ситуации:

M1 — Ну так и говорите, что тогда отказываюсь.

M2 — *Я не буду ни отказываться, ни подтверждать (ни)*, что я сижу вот сейчас разговариваю с другим человеком.

И далее:

M1 — Значит, это будет расцениваться как факт отказа.

M2 — *Мне по фигу, как будет у тебя расцениваться. ...*

По фигу — всё равно, наплевать, нет дела [Елистратов 2010: 317]; Пофиг — Сниженное. Грубое. Всё равно, абсолютно безразлично. (≈ Наплевать) [Химик 2017, т. 2: 158].

Согласно [Симонова 2011: 124], **уклончивый ответ**, являющийся одновременно **неопределённым ответом**, является тактикой имплицитного выражения отказа.

Некоторые фрагменты диалога на вербальном уровне формально выглядят как **согласие** с волеизъявлением говорящего:

M1 — Вы говорите: либо да, либо нет.

M2 — *Да*, я хочу сейчас а-, а-, от Вас слышать,

M1 — Согласн-, согласн-, согласны или н-

M2 — *Вы мне сейчас за что? Вы меня поймали за рулем?*

M1 — Вы с-, да, мы Вас поймали за рулем.

M1 — Будете проходить освидетельствование или нет?

M2 — *Щ-, сейчас, жди. Пройдем.*

M1 — А?

M2 — *Сейчас пройдем освидетельствования все.*

M1 — Я говорю, будете проходить или нет? Иван Сергеевич, я с Вами общаюсь.

M2 — Я сейчас Вам еще раз объясняю. Я что? Меня за рулем поймали или что?

(Согласно видеозаписи, в это время M2 производит какие-то действия с мобильным телефоном: возможно, ищет диктофон.)

M1 — Я Вам уже три или четыре раза предложил, я буду расценивать это как факт, факт отказа.

M2 — Это расценивайте сами как хотите. Но я *не отказываюсь ничё*. Я сижу просто разговариваю, меня никто не ловил.

Коммуникант (M2) не говорит *нет*, но решение вопроса затягивает до такой степени, что M1 вынужден вновь повторить вопрос (M1 — *Я говорю, будете проходить или нет?*), а M2 снова возвращается к тактике уклончивого ответа в форме вопросительного высказывания (M2 — *Я сейчас Вам еще раз объясняю. Я что? Меня за рулем поймали или что?*). При этом M1, очевидно, не исключая ситуацию непонимания, использует различные варианты вопроса (*Согласны или отказываетесь?*; *Ну Вы так и скажите, либо будете продувать, либо нет наш прибор. Или отказываетесь. Вам задали конкретный вопрос; Вы говорите: либо да, либо нет; Будете проходить освидетельствование или нет?*), что позволяет ему донести до слушающего нужную информацию и облегчить ее восприятие (см. об этом, например: [Маркова 2016: 116]). Такую форму поведения согласно [Нестерова 2010: 62] можно назвать **отказом-псевдосогласием**. Она позволяет отказывающему выиграть для себя время и удобна тем, что, с одной стороны, адресату (M1) не отказывают, а с другой — отказывающий (M2) надеется на то, что повторной просьбы со стороны коммуниканта не последует.

Следующий фрагмент диалога сопровождается **заверением** (обнадеживающее заявление; уверение, утверждение) коммуниканта совершить действие через некоторое время:

M1 — Пр-, пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения согласны через наш прибор? Иван Сергеевич?

M2 — *Сейчас, подожди-ка, маленько.*

M1 — Я сейчас с Вами общаюсь.

M2 — *Пять секунд.*

M1 — Пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения согласны? Или отказываетесь? Иван Сергеевич!

M2 — *Сейчас, подожди ... Пять секунд подождите. Пять секунд.*

M1 — Давайте, Вы потом, сейчас давайте закончим.

M2 — Нет. Вот сейчас,

Тактика заверения реализована использованием наречия *сейчас* (сейчас — в самом скором времени, скоро (о предстоящем действии, событии) [Большой толковый словарь]) в сочетании с глаголом в повелительном наклонении *подожди*. M2 предлагает подождать *пять секунд; маленько*. Но, как видно из дальнейшего диалога, заверение не выполняется, оно лишь способ выиграть время.

Переадресация побуждения автору иницирующей реплики является еще одной тактикой выражения имплицитного отказа: не я, а ты должен выполнить действие. Переадресация реплики-стимула содержит встречное волеизъявление, переориентацию предиката инициальной реплики на другое лицо-участника (M1) коммуникации (M2 — *А может сами пройдете? На наркоту*):

M1 — В больницу поедете проходить освидетельствование?

M2 — *За что?*

M1 — Я Вас спрашиваю, проходить освидетельствование. Что Вы мне какие-то,

M2 — *А может сами пройдете? На наркоту.*

M1 — Глу-, глупые вопросы, а, глупые вопросы задаете.

M2 — А?

M1 — В любое время дня и ночи.

Далее M2, уклоняясь от ответа на неприятный вопрос, принимает активную позицию упрекающего: начинает обвинять M1 и нападать на него, характеризуя происходящее с помощью сниженного глагола *делать* (*меня здесь делают*), который имеет следующее значение: одолевать, одерживать верх в чем-либо, побеждать в состязании [Химик 2017, т. 1: 186; Елистратов 2010: 101], и существительного *давление* (давление — средство насильственного воздействия на кого-либо; нажим, принуждение. *Экономическое, политическое, моральное, психологическое давление* [Большой толковый словарь]). Такого рода реплики можно считать своего рода манипулятивной «вербальной атакой» [Нестерова 2010: 61]:

M1 — Пройти медицинское освидетельствование согласны или отказываетесь?

M2 — *Меня короче здесь делают,*

M1 — Иван Сергеевич, я еще раз Вас спрашиваю, Вы согласны,

M2 — д-д-давление с-сами поймите. Тут со-, создает давление этот человек, который меня сейчас.

Эксплицитное выражение отказа (нейтрального отрицания) от прохождения освидетельствования для установления факта алкогольного опьянения выражено в диалоге с помощью коммуникатива *нет*, то есть намерение говорящего представлено прямо и недвусмысленно, поэтому не требуется глубокой интерпретации высказывания: *нет* = равно перформативу *я отказываюсь*:

M1 — Согласны пройти наш,

M2 — *Нет.*

M1 — Нет? Отказываетесь?

M2 — Я не отказываюсь, потому что я не ехал никуда. Машина стояла. Машина стояла, у-

M1 — Еще, еще раз я Вам предлагаю пройти освидетельствование,

В остальных фрагментах отказ вновь вербально не выражен, но о его наличии свидетельствуют реплики M2, содержащие указание на причины отказа: *потому что я не ехал никуда; Машина стояла, Вы мне сейчас за что? Вы меня поймали за рулем?, я сейчас сижу в кабинете, Вы сейчас находитесь в кабинете у участкового и мне сейчас предлагаете такие вещи; Я сижу просто разговариваю, меня никто не ловил*:

M1 — Проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения будете?

M2 — Да и хотя бы употреблял, дак это Вам что? *Я не за рулем ведь.*

(14)

M1 — Нет? Отказываетесь?

M2 — *Я не отказываюсь, потому что я не ехал никуда. Машина стояла. Машина стояла, у-*

M1 — Еще, еще раз я Вам предлагаю пройти освидетельствование,

M2 — Я вам,

M1 — Вы согласны или отказываетесь?

M2 — Я Вам еще раз говорю, *я сейчас сижу в кабинете*, Вы сейчас находитесь в кабинете у участкового и мне сейчас предлагаете такие вещи. Вы мне, вы м-

И далее:

M1 — Согласны пройти освидетельствование или отказываетесь?

M2 — *Потому что я не был за рулем,*

M1 — Я спрашиваю Вас, согласны или,

M2 — Я еще раз говорю,

M1 — Ну так и говорите, что тогда отказываюсь.

M2 — Я не буду не отказываться, не подтверждать (не), что *я сижу вот сейчас разговариваю,*

M1 — Ну значит я,

M2 — с другим человеком.

(16)

M1 — Я Вам уже три или четыре раза предложил,

M2 — Я-я,
M1 — я буду расценивать это как факт,
факт отказа.

M2 — Я больше. Это расценивайте сами
как хотите. Но я не отказываюсь ничё. Я *симу*
просто разговариваю, меня никто не ловил.

Сопоставление компонентов исследуе-
мого диалога с ключевыми компонентами
речевого акта *отказа* позволяет прийти к
выводу о полном их совпадении:

(1) M1 предлагает M2 пройти освиде-
тельствование для установления факта ал-
когольного опьянения;

(2) M2 не имеет желания пройти освиде-
тельствование для установления факта ал-
когольного опьянения;

(3) M2 в имплицитной форме говорит M1,
что не будет проходить освидетельствова-
ние для установления факта алкогольного
опьянения.

Как отмечалось, M2 уже был осужден за
управление автомобилем в состоянии алко-
гольного опьянения. Очевидно, M2 осознает
противоправность своего поведения и знает,
что за повторное правонарушение наступает
более серьезное наказание. Кроме того, M2
видит, что их диалог с инспектором ДПС за-
писывается на видеокамеру. Возможно,
именно поэтому прямое выражение соответ-
ствующих коммуникативных намерений (от-
каз от прохождения медицинского освиде-
тельствования) всячески избегается.

В то же время анализ речевого поведе-
ния M2 позволяет лингвисту прийти к выводу
о том, диалог M2 и инспектора ДПС (M1),
зафиксированный на видеофайле, содержит
отказ M2 от прохождения освидетельствова-
ния для установления факта алкогольного
опьянения. В ходе лингвистического иссле-
дования были выявлены следующие такти-
ки, актуализирующие имплицитный речевой
акт отказа: вопросительные высказывания,
уклонение от ответа (неопределенный от-
вет), отказ-псевдосогласие, заверение, пе-
реадресация. Эксплицитный речевой отказ
представлен с помощью коммуникатива
нет. Выявленные способы выражения им-
плицитного отказа являются стратегически

необходимыми и наиболее удобными для
говорящего уйти от прямого ответа, скрыть,
завуалировать свои истинные коммуникатив-
ные намерения. Кроме того, формулируя отказ
имплицитно, говорящий снимает с себя ответ-
ственность за свои слова, поскольку слушаю-
щий сам делает заключение об истинном ком-
муникативном намерении говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Текст : электронный // Справочно-информационный портал Грамота.ру — русский язык для всех. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 09.11.2019).
2. Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык. — Тюмень, 2004. 173 с.
3. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и семантический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — Русский язык. — Барнаул, 2004. 21 с.
4. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
5. Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5—6 (027—028). С. 296—299.
6. Маркова В. А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). В 3 ч. Ч. 3. С. 114—118.
7. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2010. № 2. С. 57—65.
8. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. — М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
9. Перервина Н. В. Структурные особенности речевых актов согласия (на материале романа У. С. Моэма «Театр») // Молодой ученый. 2016. №6. С. 920—923. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26915/> (дата обращения: 25.11.2019).
10. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь / РАН ИНИОН. Центр гуманит. научн-информ. иссл.- отд. языкознания. — М., 2017. Вып. 2. 124 с.
11. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка. — Тамбов, 2011. 207 с.
12. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. — Воронеж, 2011. 66 с.
13. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : моногр. — СПб., 2008. 376 с.
14. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. — М. : Златоуст, 2017.

O. V. Zuga

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2675-4818

✉ E-mail: ozuga@rambler.ru.

Special Aspects of Realization of the Speech Act of *refusal* in Conflictual Text

ABSTRACT. The article deals with investigation of the speech act of refusal in juridical linguistic aspect. A dialogue between the driver and the highway patrolman was used as material for analysis. The highway patrolman registered in the protocol of detention the refusal of the driver to undergo medical check-up for alcohol intoxication. However, later the traffic

violator informed police officers that he had not refused to undergo the medical check-up. In the course of linguistic expertise of the dialogue, explicit and implicit forms of the speech act of refusal to undergo medical check-up for alcohol intoxication were revealed. The analysis of implicit forms of expression of refusal in conflictual text is urgent within the framework of juridical linguistic discourse. The implicit content of refusal can be revealed in live communication only, as it is impossible to single it out in the semantics of an isolated expression.

The indicators of the communicative intentions of the interlocutors include the strategies and tactics realized by them. As a result of the study of the dialogue between the driver and the highway patrolman, the following tactics actualizing the implicit speech act of refusal have been revealed: interrogative utterances, evasion from answering (evasive answer), refusal-pseudoconsent, assurance, and redirection. The ways of expression of implicit refusal revealed help the speaker to avoid a direct answer, to hide and veil the refusal with the aim of withdrawal from responsibility, and to decline all responsibility for the pronounced, as the listener makes a conclusion about the real communicative intention of the speaker on their own.

The results of this study could be useful for students of philology in their acquisition of the disciplines oriented towards the formation of the habits and skills of forensic linguistic expertise.

KEYWORDS: speech acts; refusals; implicit forms of expression; conflictual texts; linguistic expertise; highway patrol.

AUTHOR'S INFORMATION: Zuga Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

FOR CITATION: Zuga, O. V. Special Aspects of Realization of the Speech Act of refusal in Conflictual Text / O. V. Zuga // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 182-188. — DOI 10.26170/pl19-06-23.

REFERENCES

1. The large explanatory dictionary of the Russian language / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. — Text : electronic // Reference and information portal GRAMOTA.RU — Russian language for everyone. URL: <http://gramota.ru/> (date of access: 11/09/2019). [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov // Spravochno-informacionnyj portal GRAMOTA.RU — russkij yazyk dlya vsekh]. — (In Rus.)
2. Borger Y. V. Comprehensive analysis of speech acts of a negative reaction (On the material of modern dramatic works) : thesis ... cand. of philol. sciences : 10.02.01 — Russian language. — Tyumen, 2004. 173 p. [Kompleksnyj analiz rechevyh aktov negativnoj reakcii (Na materiale sovremennyh dramaticheskikh proizvedenij). Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkij yazyk. Tyumen', 2004. 173 s.]. — (In Rus.)
3. Bychikhina O. V. Statements with the meaning of refusal: semantic-pragmatic and semantic aspects : Abstract. ... cand. of philol. sciences : 10.02.01 — Russian language. — Barnaul, 2004. 21 p. [Vyskazyvaniya so znacheniem otkaza: semantiko-pragmaticheskij i semanticheskij aspekty. Avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — russkij yazyk. Barnaul, 2004. 21 s.]. — (In Rus.)
4. Elistratov V. S. Explanatory dictionary of Russian slang. — Moscow : AST-PRESS BOOK, 2010. 672 p. [Tolkovyj slovar' russkogo slenga. M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. 672 s.]. — (In Rus.)
5. Ershova N. B. Features of the functioning of speech acts of negative reaction // Socio-economic phenomena and processes. 2011. No. 5—6 (027—028). P. 296—299. [Osobennosti funkcionirovaniya rechevyh aktov negativnoj reakcii // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011. № 5—6 (027—028). S. 296—299]. — (In Rus.)
6. Markova V. A. Variable repetition as a means of overcoming communicative failure in oral dialogical speech // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 5 (59): in the 3rd part. Part 3. P. 114—118. [Variativnyj povtor kak sredstvo preodoleniya kommunikativnoj neudachi v ustnoj dialogicheskoj rechi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 5(59): v 3-h ch. CH. 3. S. 114—118]. — (In Rus.)
7. Nesterova T. V. Manipulative realization of the intention of refusal in everyday communication of Russians // Russian language abroad. 2010. No. 2. P. 57—65. [Manipulyativnye realizacii intencii otkaza v obihodnom obshchenii russkikh // Russkij yazyk za rubezhom. 2010. № 2. S. 57—65]. — (In Rus.)
8. Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, connected verbs / ed. V. V. Morkovkin. — Moscow : Astrel Publishing House LLC : AST Publishing House LLC, 2003. 421 p. [Ob'yasnitel'nyj slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chasticy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly / pod red. V. V. Morkovkina. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 421 s.]. — (In Rus.)
9. Perervina N. V. Structural features of speech acts of consent (based on the material of the novel by W. S. Maugham "Theater") // Young scientist. 2016. No. 6. P. 920—923. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26915/> (date of access: 11/25/2019). [Strukturnye osobennosti rechevyh aktov soglasiya (na materiale romana U. S. Moema «Teatr») // Molodoj uchenyj. 2016. №6. S. 920—923]. — (In Rus.)
10. Potapova R. K., Komalova L. R. Verbal structure of the communicative act of aggression: Thematic Dictionary / RAS INION. Moscow, 2017. Issue. 2. 224 p. [Verbal'naya struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskij tolkovyj slovar' / RAN INION. Centr gumanit. nauchn-inform. issled. otd. yazykoznanija. M., 2017. Vyp. 2. 124 s.]. — (In Rus.)
11. Simonova S. O. Communicative-cognitive features of the expression of indirect and implicit speech acts of refusal in a dialogical discourse : thesis ... cand. of philol. sciences : 10.02.19 — Theory of language. — Tambov, 2011. 207 p. [Kommunikativno-kognitivnye osobennosti vyrazheniya kosvennyh i implicitnyh rechevyh aktov otkaza v dialogicheskom diskurse. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 — teoriya yazyka. Tambov, 2011. 207 s.]. — (In Rus.)
12. Stermin I. A. Analysis of hidden meanings in the text. — Voronezh, 2011. 66 p. [Analiz skrytyh smyslov v tekste. Voronezh, 2011. 66 s.]. — (In Rus.)
13. Trofimova N. A. Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis. St. Petersburg, 2008. 376 p. [Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticheskij analiz: Monografiya. SPb, 2008. 376 s.]. — (In Rus.)
14. Chemist V. V. Explanatory dictionary of Russian colloquial speech: in 2 vols. — Moscow : Zlatoust, 2017. [Tolkovyj slovar' russkoj razgovorno-obihodnoj rechi: v 2-h t. M.: Zlatoust, 2017]. — (In Rus.)